

«Без четырех углов изба не строится» (заметки по славянскому язычеству)

Никита И. Толстой
1923 - 1996

Хорошо всем известный фольклорно-бытовой текст

“Бог Троицу (или троицу) любит.

Без четырех углов изба не строится”,

употребляемый обычно при дружеском распитии крепких напитков, для того чтобы сосед или компания “приняла” следующую, очередную рюмку, наводил меня в юности на некоторые размышления. Я недоумевал, почему после обращения к Богу следует довольно банальное на первый взгляд утверждение, что у избы четыре угла, что она так и строится. Почему в тексте происходит такой резкий переход от чего-то божественного и возвышенного к чему-то земному, обыденному, очевидному? И почему при этом упоминается изба, а не конь и конские копыта, например? (“Конь о четырех копытах, да и то спотыкается”). Мне не приходило в голову тогда, что четыре угла в русской избе, в славянском доме - сакральны, в своем роде священны, что они связаны с духом-хранителем дома, домашнего очага, семьи и скота, т.е. с домовым и ему подобными духами. Вероятно, я просто не знал этого как следует.

В Костромском крае еще в первой половине нашего века существовал ряд поверий и обрядов, связанных с четырьмя углами крестьянской избы.¹ Так, в Нерехтском уезде “когда на новом местожительстве во дворе не ведется скотина, то ходит на помеле женщина, с привязанным к поясу лаптем на старое место, где жили раньше, и говорит: «Нового хозяина вон со двора, а «старого» просим милости», и затем, когда приходит обратно, то идет в новый двор, **стегают кнутом по всем четырем углам**, ездя на помеле, говоря.: «Вон, новый хозяин, а старый просим милости»” (с. Улешпань, Жур. ДСПМ, 187). В Галичском уезде, чтобы умиловить домового, “берут муравьиной кучи и **засевают по стенам двора в углы**, на дворе кладут столовые ложки, посреди двора вырывают яму и кладут зерен всех культур и травы, и крест. При засевании муравьиной кучей читают три раза: «Дворовой домовой, люби моего скота не по шерсте, не по кости, а по духу»” (д. Макарово, Жур. ДСПМ, 175).

¹ Созданная в начале 20-х годов нашего века Костромским научным обществом по изучению местного края анкета «Культ и народное сельское хозяйство» была распространена по всей Костромской губернии и на нее было получено множество ответов. События конца 20-х и начала 30-х годов препятствовали публикации очень ценного и обильного материала, полученного в виде ответов на вопросы анкеты. Эти ответы хранились в рукописи в Костромском музее и, как мне известно, в наше время они большей частью утрачены. К счастью, часть материала, относящегося к магии приплода, купли-продажи и охраны скота, была точно скопирована А.Ф.Журавлевым и опубликована в его фундаментальном исследовании о поверьях и магических действиях, связанных с домашним скотом (Жур. ДСПМ). Данные по Костромской губернии почерпнуты из монографии А.Ф.Журавлева.

Костромские крестьяне верили, что во двор и в дом может прийти чужой домовый, что и свой «суседушко» (домовой) может зашалить, начать бесчинствовать со скотом. В этих случаях вешали «на перекладе» лапоть (в лапте перевозили домового из старого дома в новый дом), и помещали козла в хлев, и, что нам особенно интересно, стегали штанами и кальсонами по углам и стенам избы. В Нерехтском уезде “В двенадцать часов ночи хозяин дому выходит на двор без кальсон (ср. у русских обычай сеять без порток – *Н.Т.*) и бьет кальсонами по стенам, ругая при этом домового матерными словами. После чего домовый будет любить скотину” (д. Попадейкино Жур. ДСПМ, 196). Там же выходят на двор ровно в двенадцать часов ночи и стегают **по всем углам штанами синего цвета** (д. Давыдково, Жур. ДСПМ, 199) или считают, что надо “в субботу голому бегать по двору с кальсонами - гонять домового” (д. Матвейково, Жур. ДСПМ, 184). Все это - средства от “проделок” домового со скотом, средства, не позволяющие домовому портить скотину или изгоняющие чужого домового. Любопытны приговоры, сопровождающие магические действия: “... если домовый портит скотину, то ездят по двору на сковороднике и **мужскими кальсонами стегают по заборам**, приговаривая: «Дедушко дворной, кормилец домовый, корми мою скотинку, а чужого со двора гони домой!» и стегают в это время кальсонами по стенам» (Нерехтск. уезд, д. Артюково, Жур. ДСПМ, 184). Полезным апотропеическим средством могут быть не только кальсоны, но и находящийся в них гашник. Поэтому “если чужой домовый портит скотину, то из кальсон вытаскивают *гашник* (sic!) и кладут на подворотню. Тогда не будет ходить”. (Буйск. Уезд, д. М. Барашково, Жур. ДСПМ, 164). Однако, по народным представлениям, домовых следует не только крыть матом, отпугивать лаптем и т.п., но и ублажать и угощать. Именно так, по обычаю, поступают, “когда приводят на двор купленную на племя скотину, домовому кладут в углы куски хлеба, чтобы он любил скотину” (Солигаличск. уезд, д. Шиханово Жур. ДСПМ, 207).

В Костромском крае помимо четырех углов избы чтутся и четыре угла двора, что видно из таких действий, как сохранение репейника во всех четырех углах двора летом после вывоза навоза, “чтобы велась скотина” (Галичск. у. с. Селифонтово, Жур. ДСПМ, 173), а также обычай втыкать колючую траву “чертогон” на дворе под воротами и во все углы, “чтобы домовый не портил скотину” (Буйский уезд, д. Волково, Жур. ДСПМ, 161).

Более крупным четырехугольным пространством оказывается пахотное поле - нива, благополучие которой в Малороссии (Украине) в Купянском уезде Харьковской губернии обеспечивалось тем, что зарывали благовещенскую просфору по четырем углам и посередине пашни, чтобы не было засухи. Иногда просфору засушивали, стирали в порошок и смешивали с землей, и, по мнению купянских селян, “засуха не касалась этой нивы” (слоб. Боровая, Ив. ЖПКХ, 85).

На Витебщине же, чтобы вывести осот и сорные травы в огороде и на поле, зарывали в четырех концах огорода или нивы “свянцоньи костки” от пасхального мяса (Ник. ППП, 123). А в Рыбинском уезде Ярославской губернии совершалась подобная магия на малом, весьма ограниченном пространстве. В сундуки невесты, в которых она привозила свое приданое, мать невесты клала по углам небольшие ржаные сухарики от целого каравая. Эти сухарики засушивались в печи утром в день сговора и каждый из них должен был обязательно быть с корочкой. В те же углы с сухариками отец клал старинные медные монеты или серебряные полтинники.

Невеста, став супругой, сохраняла сухари и монеты всю свою жизнь до самой смерти. От таких сухариков, хранившихся в большой чистоте, можно было откусить немного при болезни и при большой тоске. Обычай назывался “родительские сухарики” (Кост. РС, 137).

Яркой параллелью к севернорусским представлениям о домовом являются болгарские верования и обряды, связанные с домашним духом - *стопанином*, т.е. “хозяином”, домовым. По свидетельству Д. Маринова, угощение домового (*стопановата гозба*) содержит ряд обрядовых действий. Печется пирог (*млин*), лепешка и зажаривается курица. Для этого младшая из женщин в доме рано утром приносит в полном молчании свежую воду (*мълчана вода*). На этой воде тремя пожилыми женщинами (*попреминали жени*) замешивается тесто. Они же режут и жарят черную курицу и пекут пирог и лепешку. Старшая из женщин ставит сакральную еду на низкий круглый столик у очага, окуривает его и выделяет от каждого блюда часть для “стопанина”. Затем она берет тыквенный ковш (бутылочную тыкву), выливает половину вина в огонь, произносит: “*Радувай се стопане, весели се къщо!*” (“Радуйся, домовый, веселись, дом!”) и разламывает лепешку над своей головой. Лепешка разламывается крестообразно, на четыре куска. Один кусок лепешки с другой едой относится двумя другими женщинами вместе с тремя рюмочками вина на чердак, где все это ставится **в четыре темных угла**: в первый угол часть лепешки и рюмка вина, во второй угол - кусок пирога и вторая рюмка вина, в третий - куриная ножка, а в четвертый - третья рюмка вина. И снова произносится: “Радувай се стопане, весели се къщо!” Затем женщины спускаются вниз к очагу и ритуал продолжается, но дальнейшее описание ради экономии места нами опускается (Мар. НВ, 563).

Угощение хозяина-домового (*стопанова гозба*) устраивается для того, чтобы отвлечь беды и напасти, о которых иногда бывают предупреждения, а также поблагодарить за удачу, хороший урожай и приплод скота. Исследователь этого обряда Д. Маринов связывает это с культом покойных предков, на что, вероятно, есть все основания. Он отмечает окказиональный характер описанного обряда, безусловно, самого богатого ритуальными действиями и компонентами из всех известных нам аналогичных обрядов. Вышеизложенная запись была сделана в начале века Д. Мариновым в селе Белица Харманлийской округи в Родопах у некоей бабы Филы. По его сведениям, этот обряд был известен также в других помацких (мусульманских) селах в Родопах, в Пиринском крае в округе городов Мелник, Неврокоп и южнее, в Эгейской Македонии, в районе городов Сер, Деде-Агач и др.

Материал, собранный в тех же Родопах в конце нашего века, подтверждает и дополняет наблюдения Д. Маринова. *Стопан* или *къиник* (от *къща* “дом”), или *сайбия*, *джин* - хозяин и охранитель дома. Но и другие места и строения вне дома и даже двора могут иметь своего *стопанина*. Такими локусами могут быть: мост, церковь, обложенный камнем источник, колодец, любое строение. *Стопанином* становятся покойники-родные и предки, мертвецы, через которых перепрыгнуло какое-нибудь животное, души зарезанных (убитых) в поле людей или жертвенные животные, зарезанные при закладке дома.

Стопан живет в доме, и его никто не видит. Он оберегает дом и его обитателей от всякого зла, приносит в семью здоровье и благоденствие. Он сам иногда имеет свою семью. Но *стопан* может жить одиноко и в заброшенных домах, в местах, где зарыт клад. Он может быть и умершим грешником, оставшимся между небом и

землей, которого не пускают ни на небо, ни в его прежний дом. Таким образом, *стопанин* амбивалентен: он способен, подобно русским домовым, быть и добрым, и злым, и положительным, и отрицательным духом в зависимости от обстоятельств. Поэтому болгары в Родопах зовут *стопана* иногда *джин*-ом, *дракус*-ом, *враг*-ом, *дьявол*-ом. Стопан, защищающий все село, называется *селското*. В родопском селе Чепеларе верили, что *сабия* живет на чердаке, что там он часто бьет в бубен и пляшет и что от него можно избавиться, если испечь пирог, прийти и сказать ласково “Иди-ка по добру, по здорову!” (“Айде да си ходиш по живо, по здраво!”), а затем проводив до края села, оставить его одного с пирогом (Род., 46).

Несомненное сходство с обрядом из Родопского села Белица обнаруживают некоторые русские обряды, выполняемые при вселении в новый дом. Так, на Русском Севере, на Пинеге, в селе Кеврола кота первого запускают в новый дом со словами: “Я у дедушки попросилась, **поклонилась ф читьри угла**: «Дедушка да матушка, люби катанушка! Сам ни гоняй и дитям воли ни давай!»” (Арх. Пин. 1.9. Кеврола). Старообрядцы в Забайкалье в новую избу “закочевывали” обязательно на полный месяц, когда он прибывает, рассчитывая при этом, что “все будет в доме полно”. При этом старались задобрить домового. Для него при “закачевке” готовили угощение: стряпали булочку, на **четыре части** ее разрезали и клали во все **четыре угла**, приговаривая:

Это тебе, соседа,
Это тебе, беседа,
Это тебе, домовой.
Запусти меня домой.
Не ночь ночевать,
А век вековать.

При этом один кусок хлеба (*лусточку*) отрезали себе (с. Большой Куналей, Бол. КСЗ, 123).

В Костромском крае мох из четырех углов дома считался целительным. Поэтому там, когда после отела бабам нужно было окуривать корову и теленка (через 12 дней после первого отела и через 6 дней после второго), тогда брали мох из четырех избяных углов, горшок с ладаном и углями, ходили вокруг коровы и теленка, кадили и произносили ритуальный диалог: “Что, баба, куришь?” – “Уроки, уроки! Пойдите в чистые поля, в зеленые луга! – Со двора-то с дымом, а с поля-то с ветром!” (с. Улешпань, Нерехтск. у., Жур. ДСПМ, 187). В соседней Владимирской губернии также через 12 дней после отела подкуривали корову. При этом некоторые вместо ладана брали из четырех углов дома по щепотке моху и смешивали с сухой травой, называемой “богородской травкой”; другие из четырех углов избы паутину (*теняты*) и смешивали со мхом, взятым из четырех углов избы (Зав. ВОВГ, 124). Аналогичный обряд зафиксирован в Дмитровском крае, что к северу от Москвы. Там хозяйка, прежде чем начинать окуривать корову, брала мох из четырех углов избы, лоскутки от одежды всех домашних, а также от полотенца с умывальника, затем отрезала по несколько волосков с голов всего семейства и добавляла ко всему этому три уголька и ладану (Зер. ММДУ, 44). В этом случае показателен ряд, в который входит мох из четырех углов, одежда и волосы всех домочадцев, символизирующие в целом *дом* в прямом и переносном смысле слова. Наконец, в еще одном северновеликорусском крае, в селах и деревнях около Череповца, после выноса покойника из избы хозяйка в каждом

углу дома и в нежилых помещениях говорила: “Был да и нету. Нету да и не надо. Аминь”. (Браг. ДР, 69). У гуцулов на Карпатской Руси в прошлом веке существовал обычай, согласно которому тотчас после смерти в доме кого-либо из близких его кровный родственник выходил во двор и у каждого из четырех углов хаты трубил в трембиту печальную мелодию, знакомую всем жителям села (Kol. DW, t. 54, 325). Таким образом, вероятно, оповещались жители села о смерти и происходило что-то вроде первого оплакивания покойника.

В весьма удаленном от Русского Севера и Карпат регионе, в Лике, в зоне, прилегающей к северной Далмации, личане-католики при завершении погребального ритуала отрезали у мертвецкого савана (*pokrova*) четыре угла, “чтобы счастье не ушло вместе с покойником” (Heć.-Ses. TŽIK, 135). Это действие было бы совсем непонятным вне общеславянского ритуального контекста.

В соседней хорватской этнической среде, в Синьской Краине, в Далмации на Сретение (2.02. *na Sviječnicu*) в церкви благославляют и освещают свечи, которые должны гореть в доме только в случае смерти кого-либо из домашних. Когда эти свечи приносятся в дом, хозяйка их зажигает и капает горячим воском несколько капель в каждом углу комнаты и кухни (Mil. NOSK, 478-479). В этом случае углы дома снова связаны с культом покойников, культом ушедших предков-«родителей». Не исключена возможность, что и в свадебном обряде углы также символизируют место, где могут быть или даже обитать души предков. Об этом можно судить по обычаю, бытовавшему в Штирии, согласно которому невеста, пришедшая в дом после венчания, подходит к столу, разрезает булку хлеба на четыре части и кладет в каждый угол по четвертушке хлеба (Paž. ČDŽ, 105).

Ритуал бросания в Сочельник в четыре угла дома грецких орехов известен в довольно обширной зоне в Сербии. С ним связан целый ряд различных мифологических представлений, предсказаний, оберегов, целительных и продуцирующих актов. Так, в зоне Лесковацкой Моравы в Сочельник в начале ужина, когда домочадцы еще не начали пить вино и щелкать грецкие орехи, хозяйка берет в правую руку горсть орехов и бросает их сначала в угол на юго-восток, затем в угол на северо-запад, а затем перекрестно в углы на северо-восток и юго-запад. При этом в селе Орлян, когда хозяйка бросает орехи на восток, она произносит заклинание, чтобы был урожай хлебных злаков, на запад — чтобы было больше вина, на юг — чтобы были живы и здоровы домочадцы (*чељад*), на север — чтобы был здоров скот. Брошенные в углы орехи собирают дети и не едят их до Крещения, а то и сохраняют как лекарство. Иногда же их разбивают и по ним гадают: если орех окажется пустым, счастья в грядущем году не будет. В некоторых селах разбивают орехи только хозяйка дома. Это делается для того, “чтобы цыплята быстро выводились”. В некоторых селах считают, что орехи нельзя есть на Рождество, и потому их сохраняют и ими лечат чирьи, прикладывая к чирьям орехи и выбрасывая их потом на перекрестки. Кое-где орехи сохраняются в углах, их не трогают, и лишь при потере какой-нибудь скотинки или чего-либо другого их разбивают в доме (Ђорђ. ЖОЛМ, 345). В другой зоне, в Сербской Краине, что граничит с Западной Боснией и Хорватией, в Сочельник хозяин приносит перед ужином солону в дом, рассыпает ее, стараясь больше всего насыпать под стол и на стол под скатерть, и разбрасывает орехи накрест по углам. Он начинает с восточного угла и произносит: “Во имја Оца”, потом бросает в западный угол со словами “и Сина”, затем в южный со словами “и свјатаго Духа”, наконец, в последний

северный с завершающим словом: “Амин” (Бег. ЖСГ, 110, 112). В другой этнической зоне, в Шумадии, в ее южных пределах (Левач и Темнич), орехи также бросают в четыре угла в Сочельник, но при этом кто-нибудь из домочадцев выбирает один брошенный в угол орех, не разбивает его, а бережет до весны, до дня Сорока мучеников (9. III – *Младенци*). В этот день смотрят, каков орех внутри – целый или гнилой. Если гнилой, человек, выбравший этот орех, не доживет до следующего года, т. е. умрет, а если не гнилой – будет жить. Еще один орех, брошенный в угол в Сочельник, следует беречь на случай, если в дом войдет человек, болеющий заразной болезнью. Тогда этот орех следует положить под мышку, и зараза не пристанет (Миј. НМССЛТ, 412). В той же Шумадии, но уже в ее центральной части, в Груже, в Сочельник на стол выносятся всякая снедь, в том числе и грецкие орехи. Согласно ритуалу, хозяйка бросает несколько орехов по углам, однако их никто не ест и не разбивает, “чтобы в грядущем году не билась посуда”. Поэтому эти орехи, вместе с рождественской соломой, относят на третий день Рождества в сад и кладут под плодовые деревья (Пет. ЖОГ, 227). В Восточной Сербии в районе Болевца орехи можно есть только в Сочельник, а в последующие три рождественских дня на них накладывается табу. В Сочельник после молитвы, длящейся не менее получаса, домочадцы готовятся к ужину, который должен быть на земляном полу. Когда хозяин распорядится, чтобы все сели на свои места, хозяйка приносит в сите орехи и высыпает их на землю, а хозяин берет в руки четыре ореха и бросает их крестообразно в четыре угла. К этим орехам затем никто не притрагивается, а остальные, рассыпанные хозяйкой на рождественской трапезе, быстро расхватываются, и потом считают, кто больше сумел захватить. Однако в следующие затем три рождественских дня их не едят и даже в руки не берут, “чтобы не иметь чирьев” (Грб. СОСБ, 90)². Сербь, живущие на юге Баната и известные под именем “банатские геры”, также совершают в Сочельник ритуал бросания грецких орехов в углы дома. Он следует обычно за “кормлением и поением бадняка”, когда сразу же после поливания рождественского полена-бадняка вином бросают орехи в углы, начиная с восточного угла. При этом говорят “ово истоку!”, т. е. “это востоку”, и т. д. четыре раза, но пятый орех бросают вверх над горящим очагом, говоря “ово бадњаку!”, и бросают так, чтобы орех упал на бадняк. Потом скорлупу от орехов кладут в мешок с крошками, рыбными костями и головешкой от бадняка, и высыпают все это из мешка в саду под плодовыми деревьями (БХ, 299). Связь грецких орехов с бадняком выступает и в обряде, известном в Алексинацком Поморавье, где в некоторых селах в Сочельник стараются, срубая бадняк, получить четыре щепки, которые вечером во время ужина следует бросить в четыре угла дома. В других селах щепку от бадняка несут или к пчелам, или к бадьям с молоком, “чтобы оно лучше заквашивалось” (Ант. АП, 168). В том же Поморавье, но в зоне ближе к городу Лесковцу, в Сочельник нередко вытаскивают солому из соломенных матрасов, несут ее в четыре угла двора и там поджигают (Ђорђ. ЖОЛК, 57). Здесь снова наблюдается уже известное нам расширение площади до двора.

В Пиринской Македонии, в селе Кочан, при вселении семьи в новый дом сначала его посещает женщина-соседка, бывшая только один раз замужем. Она входит

² В западной Сербии, в районе Ужице, орехи бросают в четыре угла одновременно с расстиланием соломы на полу (Мил. ЖСС, 163).

по белому полотну в дом, не останавливаясь на пороге, льет воду во все углы дома и зажигает огонь очага (Пир. К. 474). Таким образом, литье воды в углы дома оказывается в Пиринском крае основным ритуалом в серии обрядовых действий при новоселье.

Таким же основным сакральным актом оказывается бросание орехов по углам в словацкой рождественской обрядности. В западной Словакии, в окрестностях Топольчан и Бановиц, в местности, где протекает река Нитра, в Сочельник (24.XII. нов. ст.) до недавнего времени хозяйка в чулане клала в сито приготовленные пирожки, орехи, яблоки, “облатки” (просвирки), мед и чеснок, завертывала все это в полотенце, шла к дверям комнаты (дома) и произносила у дверей: “Otvorte!” (“Откройте”). Те, кто были в комнате, спрашивали ее: “Čo nesiete?” (“Что несете?”). Хозяйка снова призывала: “Otvorte!” И лишь после того, как из комнаты в третий раз спрашивали, что она несет, хозяйка отвечала: “Nojné božské požehnanie!” (“Божье благословение, несущее изобилие!”). Потом она входила в комнату, клала узелок на стол, развязывала полотенце, покрывала им стол и сито, которое оставалось в середине стола, брала несколько орехов и кидала их во все углы комнаты, произнося: “Kúty, kúty, štedré kúty, nemám vás s čím obdariti, len z týmto štyrmi orieškami” (“Углы, углы, щедрые углы, нечем мне вас одарить, только этими четырьмя орешками”). Подобный обряд совершал в среднем Поважье (западная Словакия) хозяин. В этом крае, где протекает р. Вага, крестьянская семья, заслышав вечерний звон, молилась, а затем в доме гасила свет и хозяин выходил во двор. Через минуту он возвращался, держа в одной руке зажженную свечу, а в другой сито с разными плодами. В дверях он произносил рождественское пожелание: “Vinšujem vám tieto slávne sviatky Krista Pána narodenie, aby vám dal Pánboh zdravie, šťastie, božské požehnanie” (“Поздравляю вас со славным праздником Рождества Христова, пусть даст вам Господь Бог здоровье, счастье, божье благословение, а после смерти царствие небесное, чтобы вы могли добиться всего, что у Господа Бога попросите”). Потом он брал горсть орехов и со словами “Aj hentým aby Pánbiček požehnal” (“Айда туда, пусть боженька благословит”) разбрасывал их по углам. Затем он ставил сито на стол и все садились вокруг него. В селах в верховьях р. Грона рассказывали, что в те дома, в которых был забыт и не исполнялся этот обычай, ходили души покойников и плакались, что они голодны (Ног. RZL, 68–69).

На этом основании известная словацкая исследовательница народной культуры Эмилия Хорватова сделала вывод, что бытовавший еще несколько десятилетий тому назад в западных и центральных областях Словакии обряд первоначально был своего рода жертвоприношением душам умерших предков, подобно обряду бросания в начале ужина гороха по углам “для душ”. В некоторых словацких зонах брошенный по углам “для душ” горох потом давали курам. В северной Ораве души уже не упоминались, они были забыты, а в Оравской Полгоре полагали, что горох следует бросать от беды, которую он успокоит, и та не потребует большей жертвы. В Груштине бросание гороха превратилось в ритуал, связанный с домашней птицей. Хозяйка, кидая в углы горох, призывала: “Cip, cip, na kuričy, aby ste všetky ostávali doma!” (“Цып-цып, курочки, оставайтесь все дома!”) (Ног. RZj, 69). Последний пример указывает на возможность перемены первоначальной целевой направленности и внутреннего смысла обряда под влиянием места и времени его исполнения. У всех славян широко известны ритуальные действия, исполняемые в Сочельник для того, чтобы куры

велись и неслись в доме. С этой целью обычно кормили кур в замкнутом кругу. Связующим смысловым звеном между этими исконно различными обрядами был, вероятно, один из финальных моментов ритуала — скармливание брошенного в углы гороха курам, что является локальной словацкой особенностью.

В Восточной Польше, в районе Жешова в Вербное воскресенье после освящения “пальм” (пучков вербы) крестьяне трижды обходили дом, ударяя три раза по каждому углу, “чтобы не было мух, блох и иного гнуса” (с. Ясельское, Karcz. OZD, 54). Аналогичный обряд известен в Черногории, в Грбле, где считают, что блох можно вывести, если трижды ударить палкой во все четыре угла дома и при этом произнести: “Све у гору и у воду!” (“Всё в лес и в воду!”) (ВГ, 10). Т. А. Агапкина в обстоятельной статье “Угол” в словаре “Славянская мифология” отмечает, что русские крестьяне, “чтобы летом гады не проникли в избу, в Страстной четверг обливали холодной водой наружные углы; для избавления от мышей — разбрасывали по углам дома скорлупу освященных пасхальных яиц; чтобы в доме не было блох, посыпали углы снегом и т. д. Подобным же образом защищали и поля — от мышей, грызунов, града, нечистой силы и др.: закапывали по углам кости пасхального поросенка, яйца, втыкали ветки освященной вербы и т. п.” (СМ, 380). В этой же статье Т. А. Агапкиной приводятся также свидетельства, что русские на Благовещение окуривали углы от нечистой силы и болезней, а белорусы, “стремясь избавиться от домового, портившего скот, окуривали углы дома освященным маком и говорили: «Домовой, иди домой, эта хата моя»” (СМ, 380).

Ко всем приведенным ритуалам и народным представлениям можно добавить еще два примера из южновеликорусской и белорусской традиции.

В рязанской свадьбе присутствует такой эпизод: “Отец невесты запирает от поезда ворота и открывает их только по получении выкупа за невесту — от двух до пятнадцати рублей серебром. Поезжане без жениха входят в дом с кнутьями и здесь прежде всего охлыстывают **все четыре угла** избы, выкупают стол и ведут жениха” (с. Кидусово Спасск. уезда Рязанск. губ. Зел. ОРАГО III, 1175–1176). Таким образом, хлыстание углов присутствует и в семейном свадебном обряде, что пока не зафиксировано в других славянских традициях и зонах. Любопытен и второй пример, записанный в прошлом веке в повете гор. Борисова. Там говорили, что “ежели дым зажженного пера из подушки расходится **по углам**, больной будет жить, ежели за порог, то умрет” (Шейн МИБЯ III, 490).

Комментируя первый пример, было бы неправильно полагать, что битье углов кнутом в рязанской деревне Кидусово направлено против нечистой силы или нового домового, как это происходило в костромском селе Улешпань, что в Нерехтском уезде. Здесь следует предположить типичную для свадебной обрядности магию, провоцирующую плодородие, совершение акта, подобного бичеванию перед первой брачной ночью покрытых одеялом молодых, бытовавшему в Белозерье, и многим другим действиям ритуального битья (см. “Бить” в словаре СД, 177–180). Что же касается второго примера, то он достаточно ярко демонстрирует противопоставление углов и порога дома. Эта корреляция может быть установлена по ряду признаков, но в приведенном тексте она осуществилась по признаку “**живой — мертвый**”, что весьма показательно и интересно. О связи порога дома с культом мертвых хорошо известно (см. Байб. ЖОВС, 136–138; Чајк. СД I, 414–422). В свое время еще В. Даль в своих “Пословицах” приводил великорусское верование,

согласно которому “если при соборовании свечи упадут комлем к порогу, то больной умрет” (Даль ПРН, 926).

Однако восприятие углов избы в качестве символически-магического признака жизни встречается в славянской народной традиции редко. Впрочем, если обратиться к символике и духовной функции восточного, первого по счету угла, многое в рассматриваемой корреляции прояснится. У всех русских и всех восточных славян вообще первым углом в избе (хате) считается, как правило, восточный — *передний, красный, старший, святой, божий, верхний* угол или *покутье, кут, покуць*³. У восточных славян в этом углу находится божница с иконами, лампадой и другими сакральными предметами. По отношению к красному углу ставится стол, лавки, совершаются ритуальные действия. По свидетельству Н. Ф. Сумцова, “при переходе в новый дом в старом выметают сор, от которого берут горсть и бросают ее в передний угол нового дома” (Сум. КП, 97). Более сложный ритуал зафиксировал Г. К. Завойко. Он заметил, что владимирские крестьяне закапывают в избе горшки, из которых обмывали покойников, в разных местах в зависимости от их иерархического места в семье. Горшки менее видных членов семьи зарывали подальше, но если умирал глава семьи — хозяин, его горшок клали под “верхний” угол, “чтобы не переводился домовый” (Зав. ВОВГ, 191). Подробнее с аргументированным анализом фактов о красном угле писал А. К. Байбурын (Байб. ЖОВС, 149–153).

В последнем примере отображена связь красного угла с покойником-хозяином и домовым. Подобная связь, хотя и не в столь яркой форме, обнаруживается в сербском обряде бросать в Сочельник в четыре угла дома грецкие орехи. Дело в том, что в сербской, болгарской и македонской народной традиции грецкий орех считался деревом усопших, деревом, связанным с хтоническим миром, с преисподней. Поэтому в сербских селах Сретечкой Жупы (юго-запад области Косово и Метохия), “как вспоминают старики, орех не решались рубить и жечь, так как его считали особым деревом, деревом — самим по себе (*само*)”. Это единственное из плодоносящих деревьев, которое, по представлениям жителей Сретечкой Жупы и других сербских этнических регионов, может оказывать отрицательное воздействие на человеческую жизнь уже только тем, что будет продолжительное время находиться вблизи человека. В этих селах раньше не решались сажать орехи вблизи дома, потому что считали, что тень ореха не должна падать на дом. Про того, кто посадит орех, говорили, что он умрет тогда, когда толщина ствола ореха достигнет толщины его шеи. И поныне еще верят, что тот, кто заснет под орехом, потеряет сознание. Об одном человеке из села Мушниково рассказывали, что он однажды заснул под орехом в среду, а проснулся в субботу (Ник. ПВОСЖ, 115–116). В зоне Лесковацкой Моравы сербы до Троицы (*Пресвете*) не рвали ореховый лист и даже его не нюхали. Но на Троицу женщины шли на кладбище, обметали могилы ореховыми ветками и украшали ими надгробные кресты и памятники. В селах Скопской котловины в Македонии в день Троицы церкви мелись и украшались ореховыми ветками, македонки же три праздничных дня подряд ходили на кладбище и раздавали друг другу поминальную еду. А в селе Шишеве в тех же краях на Троицу тоже обметали могилы и обкладывали их ореховыми листьями. По дороге домой из церкви несли ореховые ветки, раздавая по веточке каждому

³ Отметим, что от корня **кѣт-* ‘угол’ образуется у южных славян и название дома: сербск.-хорв. *кућа* (из *кѣт-ја), макед. *куќа*, болг. *къща*.

встречному, “чтобы у покойников была тень” (Фил. ОВСК, 401). Там же в Македонии несколько южнее, в районе Штипа, на Троицу приносили в церковь ветви ореха и другой зелени и разбрасывали их по полу для того, “чтобы общаться с умершими родственниками”. При этом молящиеся приникали лицом к листьям ореха и старались услышать, что говорят умершие (Чаг. ТПЯ, 121). Точно так же в северо-западной Болгарии в Михайловградском округе молящиеся на Троицу ложились в церкви после службы на устланный ореховыми листьями и ветками пол и “слушали покойников” (устное сообщение Л. Н. Виноградовой).

Таков имеющийся в нашем распоряжении материал. Вероятно, он не исчерпывает всех примеров, зафиксированных в различных этнографических описаниях и архивных материалах, однако его безусловно можно считать достаточным для того, чтобы сделать основные обобщения и выводы.

В первую очередь следует отметить общеславянский характер отношения к четырем углам дома как к сакральному месту, чаще всего как к месту пребывания домашнего духа — домового, либо душ предков. При этом культ домового ярко выражен у северно-великороссов, у части белорусов и у родопских болгар, а культ душ, покойных домашних родственников — у словаков. У сербов, македонцев и части болгар он выражен косвенно через ритуал бросания орехов в Сочельник.

В то же время почитанию углов дома присуща в славянской народной традиции при едином идейно-смысловом содержании четко выраженная диалектная (территориальная) вариантность, обособляющаяся по ряду признаков (предметных, акциональных, темпоральных).

В общеславянском масштабе выявляется также прямая связь почитания домового и домашних покойников (“душ”, “душек”), связь, близкая к их отождествлению и взаимозаменяемости.

Ритуал почитания четырех углов совершается по большей части в рождественский Сочельник, во время, когда на сакральной семейной трапезе незримо присутствуют или приглашаются покойники-предки и когда их участие обозначается многими иными ритуальными действиями и символами. Почитание или своеобразное “кормление” предков выражается в бросании плодов орехового дерева по углам в Сочельник, в то время как листья этого дерева у южных славян выполняют свою ритуальную функцию, направленную на установление связи с покойниками — “родителями”, в другой поминальный праздник — на Троицу. Рассматриваемый обряд, таким образом, календарно приурочен. У хорватов в Синьской Краине он исполняется в память покойников на Сретение.

Среди семейных обрядов ритуал, касающийся углов дома, фиксируется редко: в погребальном обряде — на Вологодчине, на Карпатах у гуцулов и в сильно измененном виде у личан-католиков в Далмации, в свадебном обряде у штирийских словенцев и рязанских великороссов.

В окказиональных обрядах рассматриваемый ритуал применяется, как и следовало ожидать, при вселении в дом, когда запускали кота и кланялись четырем углам (Пинежье), клали разрезанную на четыре части булочку в четыре угла (Забайкалье) либо поливали углы водой (Пиринская Македония). Но еще чаще в севернорусской зоне к нему обращались при отеле коровы на 12-й или 6-й день. Корова и теленок во Владимирской губернии окуриваются мхом или паутиной, добытыми в четырех углах избы. В некоторых этнокультурных зонах ритуал, связанный с четырьмя

углами дома, имеет не только охранительный или охранительно-целительный, но и чисто лечебный характер. Так, в восточном Полесье в районе Брагина страдающего и кричащего от ночной бессонницы младенца подносили к четырем углам со словами: “Кутучки-братучки, возьмите от младенца ночнички да пошлите на него соннички”. Обратившая внимание на этот пример Л. Н. Виноградова справедливо видит в нем некий уговор об обмене, некое обращение к углам как к одухотворенным существам (Вин. ЗФДБ, 158).

Обращение к четырем углам известно и в очистительной магии, направленной на изгнание из дома мух, блох и тараканов, мышей. В районе Жешова в восточной Польше и у русских этот ритуал был календарным (Вербное воскресенье, Страстной четверг), а у черногорцев, видимо, окказиональным. Его сфера действия была в значительной степени периферийной по отношению к основной, глубинной семантике и функциональной нагрузке рассматриваемого обряда, а локальное распространение достаточно ограниченным, из-за того, что изгнание насекомых из дома у славян совершалось по большей части другими магическими средствами (см. Тер. ОНПН, 139-152).

Наиболее архаическим по внутреннему смыслу и по целевой направленности, судя по всему, оказывается северновеликорусский окказиональный ритуал, связанный с покупкой и приводом скотины в новое место жительства, с отношением домового к скотине. Тройственная связь у славян: *домовой* — *покойник* — *скотина (говяда)* требует отдельного описания и подробного рассмотрения. Однако, о ее существовании свидетельствуют хотя бы такие обычаи, как похороны покойника во все времена года на волах и снях, или бужение скотины в случае смерти хозяина дома, сохранившиеся в сербской традиции почти до наших дней.

Ритуал “четыре углов” отличается четким единством места, времени и действия, и даже не только и не столько их единством, сколько определенностью и замкнутостью места (оно — основа ритуала), краткостью времени действия и малым разнообразием действия. Так, местом могут быть только четыре угла дома (различаются внутренняя и внешняя сторона), редко углы двора или поля; временем — разные окказиональные обряды или хозяйственно-торговые события; действием — бросание, помещение разных предметов в углы (хлеба, орехов, скорлупы от пасхальных яиц) или бичевание, битье углов, поливание их водой. Число действующих лиц также ограничено: при бросании или помещении в угол действует хозяйка или хозяин, при битье палками или бичевании углов действует хозяин, домочадцы или поезжане-мужчины. Бросают или кладут в углы: куски хлеба, лепешки, орехи, горох, скорлупу от освященных яиц.

В большинстве случаев ритуал “четыре углов” совершался молча. Однако у словаков в Сочельник он мог сопровождаться ритуальным диалогом, обращением к углам (“Kuty, kuty...”), к курицам; у украинских сербов тогда же — краткой молитвой (“Во имја Оца...”); у русских на Благовещение — напутствием домовому (“Домовой, иди домой!”); у родопских болгар — приветствием домовому-хозяину (“Радувай се стопане..!”); у русских после новоселья, изгоняя нового пришельца домового (“Нового хозяина, *вон* со двора..!”) и т. п. Вербальный компонент сохраняют многие отгонные, охранительные и лечебные ритуалы “четыре углов”.

Сокращения

- Ант.АП - *Д. Антонијевић*. Алексиначко Поморавље. Београд, 1971 (СЕЗб. Књ. 83).
- Арх. Пин. - Картотека словаря русских народных говоров Архангелогородск. губ. Пинежск. у. Петербург.
- Байб. ЖОВС - *А.К. Байбурич*. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград, 1983.
- Бег. ЖСГ - *Н.Беговић*. Живот и обичаји Срба Граничара. Загреб, 1887.
- Бол. НКСЗ - *Ф.Ф. Болонев*. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX - начало XX в.). Новосибирск, 1978.
- Браг. ДР - *Н.А. Брагина*. Диалектная лексика обрядов семейного цикла (родинного и похоронного) Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской области. Дипломная работа. МГУ. Москва, 1980.
- БХ - Банатске Хере. Нови Сад, 1958.
- ВГ - Вукова грађа // СЕЗб. Књ.50. Београд, 1934.
- Вин. ЗФДБ - *Л.Н. Виноградова*. Заговорные формулы от детской бессонницы как тексты коммуникативного типа // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. Москва, 1993.
- Грб. СОСБ - *С.Грбић*. Српски народни обичаји из среза Бољевачког. Београд, 1909 (СЕЗб. Књ.14).
- Даль ПНР - *В.Даль*. Пословицы русского народа. Москва, 1957.
- Ђорђ. ЖОЛК - *Д.М. Ђорђевић*. Живот и обичаји народни у Лесковачком крају. Лесковац, 1983.
- Ђорђ. ЖОЛМ - *Д.Ђорђевић*. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958. (СЕЗб. Књ.70).
- Жур. ДСПМ - *А.Ф. Журавлев*. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. Москва, 1994.
- Зав. ВОВГ - *Г.К. Завойко*. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ. // Этнографическое обозрение. Москва, 1914. Вып. 3-4.
- Зел. ОРАГО - *Д.К. Зеленин*. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Петроград, 1914-1916. Вып. 1-3.
- Зерн. ММДУ - *А.В. Зернова*. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде // Советская этнография. Москва, 1932. №3. С.15-52.
- Ив. ЖПКХ - *П.Иванов*. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907.
- Кост. РС - *Ив. Костоловский*. Родительские сухарики // Этнографическое обозрение. 1901. №4 (год 14, кн.51). Москва, 1902.
- Мар. НВ - *Д. Маринов*. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914 (СБНУ. Кн.28).
- Миј. НМССЛТ - *С.М. Мијатовић*. Народна медицина Срба селяка у Левчу и Темнићу // СЕЗб. Књ.13. Београд, 1909.
- Мил. ЖСС - *М.Ђ. Милићевић*. Живот Срба селяка. Београд, 1894 (СЕЗб. Књ.1).
- Ник. ПВОСЖ - *В.Николић*. Природа у веровањима и обичајима у Сретчкој Жупи / Гласник Етнографског института. Књ.9-10. Београд, 1961. С.113-137.
- Ник. ППП - *Н.Я. Никифоровский*. Простонародные приметы и поверья. Витебск, 1897.

- Петр. ЖОГ - *П.Ж.Петровић*. Живот и обичаји народни у Гружи. Београд, 1948 (СЕЗБ. Књ.58).
- Пир.К. - Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвања. Софија, 1980.
- Род. - Родопи. Традициона народна духовна и социалнонормативна култура. Софија, 1994.
- СД - Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под редакцией Н.И.Толстого. Том 1. Москва, 1995.
- СМ - Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Москва, 1995.
- Сум. КП - *Н.Ф.Сумцов*. Культурные переживания. Киев, 1890.
- Тер. ОНПН - *О.А.Терновская*. К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. Москва, 1981. С.139-159.
- Фил. ОВСК - *М.С.Филиповић*. Обичаји и веровања у Скопској Котлини. Београд, 1939 (СЕЗБ. Књ.54).
- Чаг. ТПЯ - *П.А.Чагаров*. Тълкувания на природни явления. От Щип // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн.10. Софија, 1894.
- Чажк. СД - *В.Чажкановић*. Сабрана дела. Књ.1. Београд, 1994.
- Шейн МИБЯ - *П.В.Шейн*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887-1902. Т.1-3.
- Неć. ТЏИК - *М.Неćимовић-Seselja*. Tradicijski život i kultura ličkoga sela Ivčević Kosa. Zagreb, 1985.
- Нор. RZL - *E. Horváthová*. Rok vo zvykoch našho ľudu. [Bratislava], 1986.
- Кар. OZD - *A.Karczmarzewski*. Obrzędy i zwyczaje doroczne wsi rzeszowskiej. Rzeszów, 1972.
- Колб. DW - *O.Kolberg*. Dzieła wszystkie. Т.54. Ruś Karpacka. Wrocław-Poznań, 1970.
- Мил. NOSK - *J.Miličević*. Narodni običaji i verovanja u Sinjskoj Kraini // Narodna umjetnost. Zagreb, 1967/1968. Knj.5/6. S.433-511.
- Пај. ĆDŽ - *J.Pajek*. Ćrtice iz duševnega žitka štajerskih Slovencev. Ljubljana, 1884.